

Обрученные холодом

Автор:

[Кристель Дабо](#)

Обрученные холодом

Кристель Дабо

Сквозь зеркала #1

Где-то во Вселенной, словно гигантские дирижабли, парят ковчеги – осколки цивилизации. Двадцать одно убежище для людей, двадцать один мир со своими законами и обычаями. Жители каждого ковчега обладают уникальными свойствами: восстанавливать предметы прикосновением, создавать иллюзорные объекты, а то и вовсе причинять боль силой мысли. Офелии даны лишь две способности: читать и проходить сквозь зеркала. Читать различные вещи, то есть видеть их историю, ощущать эмоции всех людей, когда-либо к ним прикасавшихся, – вот оно, подлинное счастье! Но... прощай, любимый дом Семейных Архивов! Прощай, привычная спокойная жизнь! Прощай, Семья! Жизнь Офелии переворачивается в тот день, когда она узнает, что ее ждет замужество, и отказаться невозможно. Девушке придется покинуть родную Аниму и отправиться на Полюс. А этот ковчег так далеко, что перелететь сквозь зеркала обратно на Аниму не получится никак... Жених ее, аристократ Торн, встрече тоже совсем не рад. Почему? Зачем и кому понадобилось переселять неприметную чтицу Офелию на жестокий Полюс, соединять противоположности? Эту загадку еще предстоит разгадать. Тетралогия «Сквозь зеркала» французской писательницы Кристель Дабо (родилась в 1980 году) – это целая альтернативная реальность, замысловатая и непредсказуемая, но продуманная до мельчайших деталей. Мировой тираж первого тома превышает 500 тыс. экземпляров, а франкоязычный интернет заполнен фан-артом по мотивам историй об Офелии. Мир, придуманный Кристель Дабо, – такой же феномен, каким стал когда-то «Гарри Поттер»: не случайно книги писательницы отмечены многочисленными престижными премиями.

Кристель Дабо

Обрученные холодом

© Gallimard Jeunesse, 2013

© Christelle Dabos, текст, 2013

© Волевич И.Я., перевод, 2018

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018, издание на русском языке

* * *

Издание осуществлено в рамках программы содействия издательскому делу «Пушкин» при поддержке Французского института

Cet ouvrage, publié dans le cadre du Programme d'aide à la publication Pouchkine, a bénéficié du soutien de l'Institut français

Предисловие

Вначале мы были единым целым.

Но Богу это не нравилось. Он развлекался, пытаясь нас разъединить. А потом, наскучив этими играми, забывал про нас. Бог был до того жестоким в своей равнодушии, что пугал меня. Но порой Он бывал добрым, и тогда я любил Его так, как не любил никого на свете.

Я думаю, мы все могли бы жить вполне счастливо – Бог, я и остальные, – не будь этой проклятой Книги. Она внушала мне отвращение. Я знал, что меня связывает с ней (и как ужасно связывает!). Но в полной мере я осознал это позже, много позже. А тогда я ничего не понимал, я был слишком глуп.

Да, я любил Бога, но ненавидел Книгу, которую Он раскрывал по всякому поводу и без повода. Это Его забавляло. Когда Бог приходил в доброе расположение духа, Он писал. Когда Он гневался, Он тоже писал. А однажды, в ярости, Он совершил чудовищную глупость.

Бог расколол наш мир на куски.

Так появились ковчеги – осколки Земли, летающие в пространстве...

Обручение

Архивариус

О старых домах часто говорят, что у них есть душа. На ковчеге Анима^[1 - Анима (лат. anima) – душа. – Здесь и далее примеч. переводчика.] душой были наделены все здания и предметы. Что касается старых домов, они частенько проявляли свой дурной характер.

К примеру, здание Семейных Архивов постоянно пребывало в скверном настроении. День за днем оно недовольно поскрипывало, побряхтывало и пошатывалось. Оно не любило летних сквозняков, из-за которых громко хлопали двери. Не любило сырость, которая пропитывала стены зимой. Не любило сорняки, которые нагло заплоняли двор каждую весну.

Но больше всего здание Архивов не любило посетителей, пренебрегавших часами его работы.

Вот почему этим ранним сентябрьским утром Архивы поскрипывали, побряхтывали и пошатывались сильнее обычного. Они возмущались вторжением незваного гостя. Ведь было еще слишком рано, чтобы изучать архивы! Хуже того, гость не удосужился даже взойти на крыльцо и позвонить в дверь, как подобает приличному посетителю. Куда там! Он пытался проникнуть внутрь совсем иначе...

Сквозь зеркальную дверцу шкафа, стоящего в вестибюле Архивов, просунулся нос. Следом тут же возникли очки, брови, лоб, рот, подбородок, щеки... Вынырнув из зеркала, голова повернулась вправо, потом влево. Еще миг, и внизу показалось согнутое колено, тащившее за собой остальное тело. Посетитель лез и лез вперед, пока не показался весь, целиком. Он выбрался из зеркала, словно из ванны с водой (если, конечно, ванна может быть вертикальной!). Незваный гость был в серых очках и поношенном пальто. Вокруг шеи обвивался длинный трехцветный шарф.

А под всем этим скрывалась Офелия.

От столь наглого вторжения Архивы разъярились. Шкафы скрипели петлями и топали ножками. Вешалки с громким стуком сталкивались между собой, словно ими играл злой дух-барабанщик.

Однако такой прием не испугал Офелию. Она давно привыкла к обидчивости Архивов.

- Ну, тише, тише, - прошептала она.

Шкафы и вешалки мгновенно успокоились. Здание Архивов узнало девушку.

Офелия вышла из вестибюля, прикрыв за собой дверь. На стене в коридоре висело объявление:

ВНИМАНИЕ: В ЗАЛАХ ХОЛОДНО!

НЕ СНИМАЙТЕ ПАЛЬТО!

Держа руки в карманах и не обращая внимания на волочащийся сзади шарф, Офелия прошла мимо череды шкафчиков с надписями: «Свидетельства о рождении», «Свидетельства о смерти», «Свидетельства об аннуляции кровного родства»... Затем она тихонько открыла дверь читального зала. Ни души. Ставни были закрыты, но сквозь щели пробивались солнечные лучи. Кое-где из полутьмы выступали ряды столов-пюпитров. Из сада доносился щебет дрозда. Невольно хотелось распахнуть все окна и впустить с улицы в ледяной зал и этот щебет, и теплый воздух.

С минуту Офелия неподвижно стояла на пороге, следя за солнечными лучами, медленно скользившими по паркету. Светало. Девушка с удовольствием вдыхала запах старинной мебели и бумаги. Скоро, очень скоро ей придется забыть об этом запахе, овевавшем всё ее детство...

Гостья медленно подошла к каморке архивариуса. Его личные «покои», служившие и кухней, и гостиной, и спальней, и кабинетом для чтения, отделялись от зала обыкновенной занавеской. Несмотря на ранний час, из каморки уже доносились аромат кофе и звук патефона. Офелия кашлянула в шарф, чтобы возвестить о своем приходе, но патефон заглушил кашель. Тогда она тихонько отодвинула занавеску и вошла.

Архивариус сидел на кровати, уткнувшись в какую-то газетку. Седые волосы старика были взъерошены. В глазницу он вставил свою лупу для экспертиз, сквозь стекло которой его глаз казался огромным, размером с яйцо. На руках у него были перчатки, а под пиджаком виднелась мятая белая рубашка.

Офелия снова кашлянула, но старик не услышал ее. Углубившись в чтение, он подпевал бодрой оперной арии, правда, довольно фальшиво. Пыхтела кофеварка, потрескивали дрова в печурке, да и само здание Архивов издавало свои обычные утренние звуки.

Офелия наслаждалась в этой комнатке всем: и фальшивым пением старика, и утренним светом, сочившимся сквозь закрытые ставни, и шорохом осторожно переворачиваемых страниц, и кофейным ароматом, и едва различимым нафталиновым запахом газового рожка. На столике в углу стояла шахматная доска. Фигуры двигались по ней сами собой, словно их переставляли два невидимых игрока.

Как же Офелии не хотелось вторгаться в эту идиллию!

Но делать нечего, нужно было разрушить очарование. Подойдя к кровати, гостья тронула архивариуса за плечо.

– Ох, гос-с-споди! – воскликнул тот, вздрогнув всем телом. – Ты могла бы и предупредить, а не кидаться вот так на людей!

– Да я пыталась, – виновато сказала Офелия.

Она подобрала упавшую на ковер лупу и подала ее старику. Затем сняла пальто, закрывавшее ее от шеи до пят, размотала нескончаемо длинный шарф и бросила всё это на спинку стула. Теперь она представляла собой тоненькую фигурку в прямоугольных очках и старомодном платье, подходившем скорее пожилой даме, чем юной девушке.

– Надеюсь, ты не явилась опять через зеркало в вестибюле, а? – проворчал архивариус, протирая лупу рукавом. Его пышные и невероятно длинные усы подрагивали в такт словам. – Ну что это за мания – являться из зеркала, да еще в неположенное время?! Ты же знаешь, моя лачуга терпеть не может такой бесцеремонности! В один прекрасный день тебе на голову свалится балка, и по заслугам!

Старик еще какое-то время говорил, перейдя на древний диалект, которым только он и владел на Аниме. Занимаясь старинными документами, архивариус и сам жил в прошлом. Даже его газетке было не меньше полувека.

Наконец старик с трудом встал с кровати, взялся за кофейник.

– Выпьешь кофейку, девочка?

Офелия кивнула. Ей было трудно говорить – в горле у нее стоял комок.

Старик разлил по чашкам дымящийся кофе. Он не слишком любил общение с посетителями, но при взгляде на Офелию всякий раз глаза у него – вот как и сейчас – начинали поблескивать золотыми искорками, словно сидр. Он всегда питал слабость к этой своей крестнице, приходившейся ему к тому же внучатой

племянницей. В их семье она больше других походила на него – такая же несовременная, такая же скрытная. И такая же одинокая.

– Вчера вечером я говорил по телефону с твоей мамашей, – пробурчал старик себе в усы. – Она была так взбудоражена, что я не разобрал и половины ее трескотни. Но главное понял: похоже, тебя наконец решили окольцевать.

Офелия снова молча кивнула. Старик тут же насупился, сдвинув лохматые брови.

– Только не сиди с такой похоронной миной, сделай милость! Твоя мать нашла тебе жениха, что тут плохого?

Он протянул ей чашку, а сам тяжело плюхнулся на кровать под жалобные стоны пружин.

– Ну-ка, присядь. И давай потолкуем серьезно, как крестный с крестницей.

Офелия придвинула стул к кровати. Глядя на крестного, на его роскошные усы, она будто бы видела сейчас страницу собственной жизни. Страницу, которую у нее на глазах рвали в клочья...

– Твои поникшие плечи, тусклый взгляд, горестные вздохи – все это пора отправить в архив! – объявил старик. – Ты уже отказала двум своим кузенам! [2 - Здесь и далее слово «кузены» означает близкое или дальнее родство всех жителей Анимы и других ковчегов.] И хотя они были глупы как пробки и противны, как ночные горшки, каждый твой отказ порочил семью. А хуже всего то, что разорвать помолвку тебе помогал я... – Старик вздохнул в усы.

Офелия подняла глаза от своей чашки:

– Не беспокойтесь, крестный. Я пришла вовсе не для того, чтобы просить вас воспротивиться моему браку.

В этот миг патефонная игла застряла в бороздке, и женское сопрано закуковало на всю комнату: «Зато тебя лю... Зато тебя лю... Зато тебя лю... Зато тебя лю...»

Старик не встал, чтобы вызволить иголку из плена. Он был ошарашен.

- Что ты там бормочешь? Ты не желаешь, чтобы я вмешивался?

- Нет. Единственное, о чем я вас прошу, – это открыть мне доступ в архивы.

- В мои архивы?

- Да, и сегодня же.

«Зато тебя лю... Зато тебя лю... Зато тебя лю...» – запинаясь патефон.

Старик скептически приподнял одну бровь и взъерошил усы.

- Значит, ты не ждешь от меня заступничества перед твоей матерью?

- Это бесполезно.

- И не хочешь, чтобы я подвиг на это твоего тряпку-отца?

- Нет. Я выйду замуж за человека, которого они для меня выбрали.

Иголка вдруг подпрыгнула, и пластинка завертелась снова, позволив певице торжественно и громогласно закончить фразу: «Зато тебя люблю я, так берегись любви моей!»[3 - «Хабанера» – ария из оперы Ж. Бизе «Кармен».]

Офелия приспустила очки и отважно выдержала испытующий взгляд крестного.

- Ну что ж, в добрый час! – со вздохом облегчения сказал он. – Признаюсь, я считал, что ты не способна произнести такие слова. Наверно, парень пришелся тебе по сердцу. Давай-ка, выкладывай все как есть. Но сперва скажи мне, кто он.

Офелия встала, чтобы убрать кофейные чашки. Она собралась помыть их под краном, но раковина была доверху забита грязными тарелками. Обычно Офелия не любила заниматься хозяйством, однако на этот раз сняла перчатки, засучила рукава и начала мыть посуду.

– Вы его не знаете, – произнесла она, помолчав.

Ее ответ растворился в журчании воды. Старик остановил патефон и подошел к раковине.

– Я не расслышал. Что ты сказала, девочка?

Офелия закрыла кран. У нее были слабый, глуховатый голос и плохая дикция, поэтому ей часто приходилось повторять свои слова.

– Вы его не знаете.

– Ты забыла, с кем говоришь! – ухмыльнулся крестный, скрестив руки на груди. – Я, конечно, не вылезая из архивов и не слишком общителен, зато наше генеалогическое древо изучил лучше всех вас. Нет ни одного твоего близкого или дальнего родственника, от долины до Великих Озер, которого я бы не знал.

– И все-таки вы с ним незнакомы, – упрямо повторила Офелия.

Глядя прямо перед собой невидящими глазами, она машинально терла губкой тарелку. Прикосновения к этой посуде позволяли девушке читать ее историю, мысленно двигаясь от настоящего к прошлому. Она в мельчайших подробностях описала бы все, что ее крестный когда-либо ел с этих тарелок. Офелия была добросовестным специалистом и в обычное время никогда не читала чужие предметы без перчаток, но сейчас не испытывала смущения. Крестный научил ее чтению именно здесь, в этой самой комнате. И теперь ей была досконально знакома каждая вещь в его кухне.

– Этот человек не член нашей Семьи, – сказала она наконец. – Он живет на Полюсе.

Наступила мертвая тишина, нарушаемая только урчанием воды, уходившей в трубу. Офелия вытерла мокрые руки о платье и взглянула на крестного поверх своих прямоугольных очков. Старик внезапно как-то съежился, словно в один миг постарел еще больше. Даже его усы и те повисли уныло, как траурные флаги.

– Это еще что за фокусы? – спросил он сиплым, почти беззвучным голосом.

– Больше я ничего не знаю, – тихо сказала Офелия. – Правда, мама говорит, что это хорошая партия. Но мне неизвестно ни как его зовут, ни как он выглядит.

Старик подошел к кровати, достал из-под подушки табакерку, заложил по щепоти табака в каждую ноздрю и чихнул в платок. Это был его способ справиться с мыслями.

– Тут, верно, какая-то ошибка...

– Мне хотелось бы в это верить, крестный, но, судя по всему, никакой ошибки нет.

И Офелия уронила в раковину тарелку, которая тут же раскололась пополам. Она протянула обе части старику, он сложил их вместе. Половинки мгновенно срослись, и старик поставил тарелку на сушилку.

Крестный Офелии был выдающимся реаниматором. Он обладал способностью чинить вещи одним прикосновением. Самые строптивые, раздражительные предметы становились в его руках кроткими, как голуби.

– Нет, это, конечно, ошибка, – повторил он. – Уж на что я знаток архивов, но мне никогда не встречались упоминания о таких противоестественных браках. Чем меньше жители Анимы будут сталкиваться с этими чужаками, тем лучше. И точка.

– Да, но свадьба все-таки состоится, – прошептала Офелия, снова принимаясь за посуду.

– Господи, какая муха вас укусила – твою мать и тебя?! – Было видно, что старик сердится, но в голосе его звучал страх. – Из всех наших ковчегов у Полюса самая скверная репутация. Они там наделены такими способностями, от которых с ума сойти можно! И вдобавок у них даже нет единой Семьи. Отдельные кланы насмерть грызутся между собой, как собаки! Да знаешь ли ты, что о них рассказывают?

Офелия разбила еще одну тарелку. Старик, обуянный гневом, даже не замечал, как его слова действуют на крестницу. Впрочем, заметить было мудрено: отрешенное лицо Офелии, как обычно, не выдавало ее чувств.

– Я не знаю, что о них говорят, и меня это не интересует, – сдержанно сказала она. – Мне нужно другое – серьезная документация. И доступ к архивам.

Старик реанимировал вторую тарелку и поставил ее на сушилку. В комнате сердито закричали потолочные балки: дурное настроение хозяина передавалось зданию.

– Я тебя просто не узнаю! Когда тебе сватали кузенов, ты привередничала вовсю. А теперь, когда тебе предложили какого-то варвара, ты покорно согласилась!

Офелия, с губкой в одной руке и с чашкой в другой, вся сжалась и закрыла глаза. Под опущенными веками было темно. Она заглянула в свое сердце...

Чтобы «покорно согласиться», нужно принять ситуацию, а чтобы принять ситуацию, нужно хоть что-нибудь знать. Тогда как у нее впереди полная неизвестность. Еще несколько часов назад она даже не подозревала, что станет невестой. А теперь ей казалось, будто она больше не принадлежит себе, будто она на краю пропасти. Оглушенная, растерянная, сбитая с толку, она походила сейчас на пациента, которому объявили о том, что он смертельно болен. Но «покорно согласиться»... Да разве это возможно?!

– Нет, я решительно не понимаю, что за кашу вы там заварили! – продолжал старый архивариус. – Во-первых, чем он займется тут, у нас, этот чужак? В чем его интерес? Ты уж не обессудь, девочка, но на нашем генеалогическом древе твой листок – не самый завидный. Я хочу сказать, что музей, которым ты заведешь, – отнюдь не золотая жила!

Офелия уронила чашку. Не нарочно и даже не от волнения – неловкость была свойственна ей с рождения. Вещи постоянно валялись у нее из рук. Крестный давно к такому привык и спокойно восстанавливал все, что она ломала.

– Мне кажется, вы не совсем поняли, – угрюмо произнесла Офелия. – Этот человек вовсе не собирается жить на Аниме. Я должна уехать с ним на Полюс.

Теперь старик сам выронил тарелки, которые пристраивал на сушилке, и выругался на своем древнем диалекте.

Из окна в каморку лился яркий свет, словно поток чистой воды. Солнечные зайчики плясали на спинке кровати, на пробке графина, на корпусе патефона. Офелия не понимала, с чего это солнце так резвится: оно было фальшивой нотой в их разговоре. В его сиянии снега Полюса казались такими далекими и нереальными, что ей самой в них не верилось.

Офелия сняла очки, протерла их и снова машинально нацепила на нос, словно в надежде яснее увидеть свое туманное будущее. Стекла, ставшие было прозрачными, тотчас вернули себе унылый серый цвет. Эти старенькие очки всегда подстраивались под хозяйское настроение.

– Я вижу, мама забыла вам сказать самое важное. Меня обручили с этим человеком Настоятельница. И сейчас только они знают все условия брачного контракта.

– Настоятельница?! – пролепетал старик.

Его морщинистое лицо исказилось от ужаса. Он наконец осознал, в какую ловушку попала Офелия.

– Дипломатический брак... Если уж в этом замешаны Настоятельница, тут никто не поможет... – прошептал он и горестно выдохнул: – Несчастливая!..

Он снова напихал в нос табак и чихнул так сильно, что ему пришлось поправить съехавшую вставную челюсть.

– Но почему?! – спросил он, взъерошивая свои поникшие усы. – Почему ты? И почему туда?

Офелия ополоснула руки под краном, надела и застегнула перчатки. Она разбила уже много посуды – пожалуй, на сегодня хватит.

– Кажется, семья этого человека обратилась напрямую к Настоятельницам. Я не знаю, по каким причинам выбрали меня.

– А твоя мать?

– Она в восторге, – горько отозвалась Офелия. – Эта партия превзошла все ее ожидания.

Девушка крепко сжала губы, но тут же продолжила:

– Отвергнуть жениха не в моей власти. Я поеду за ним. Так мне велят долг и честь. Но этим все и ограничится, – решительно заключила она. – Наш брак будет чисто номинальным.

Старик печально взглянул на Офелию:

– Нет, девочка, об этом и не помышляй. Посмотри на себя... Ты ростом не выше стула, а весишь не больше моей подушки... Так вот, как бы ты ни относилась к своему мужу, советую тебе никогда не противиться его воле. А не то он тебя просто сломает.

Офелия повертела ручку патефона, чтобы завести его, и неловко поставила иглу на край пластинки. Комнату снова огласили бодрые звуки «Хабанеры».

Офелия стояла, заложив руки за спину, и отрешенно смотрела на патефон. Вот такой был у нее характер. В ситуациях, когда любая другая девушка плакала бы, жаловалась, кричала и умоляла, она хранила гордое молчание. Ее кузены и кузины в один голос уверяли, что она попросту туповата.

– Послушай, – пробормотал старик, почесывая плохо выбритый подбородок, – а может, не стоит драматизировать? Может, я и перегнул палку, когда говорил тебе о жителях Полюса... Кто знает, вдруг этот парень тебе понравится.

Офелия внимательно вгляделась в крестного. В ярком солнечном свете его черты как будто заострились, а морщины стали глубже. У нее сжалось сердце. Девушка вдруг поняла, что человек, которого она всегда считала крепким, как скала, и неподвластным течению времени, на самом деле дряхлый старик. А она сейчас поневоле состарила его еще больше.

Офелия заставила себя улыбнуться:

– Что мне нужно, так это достоверная информация.

В глазах архивариуса снова затеплились золотые искорки.

– Надевай пальто, девочка, и пошли!

Раскол

Старик спускался по узкой лестнице, слабо освещенной тусклыми лампочками. Офелия, сунув руки в карманы пальто и до самого носа укутавшись в шарф, следовала за ним. С каждой ступенькой становилось всё холоднее. Девушке чудилось, будто она входит в черную ледяную воду.

Она вздрогнула, когда ворчливый голос крестного гулким эхом отозвался от каменных стен:

– Полюс... это же на другом конце света!

Старик резко остановился, обернулся к Офелии:

– Ты ведь умеешь летать сквозь зеркала... Может, тебе удастся иногда навещать нас, хоть ненадолго?

– Нет, крестный, на такое я не способна. Сквозь зеркала можно летать только на маленькие расстояния. А преодолеть пустоту между двумя ковчегами... Нет, об этом и думать нечего.

Старик снова выругался на древнем диалекте и продолжил спуск. А Офелия почувствовала себя виноватой в том, что обманула его надежды.

– Я постараюсь навещать вас почаще, – жалобно сказала она.

– И когда же ты отбываешь?

- В декабре – кажется, так распорядились Настоятельница.

Крестный опять выругался, и Офелия подумала: «Слава богу, что я не понимаю этот язык!»

- Ну а кто же тебя заменит в музее? – мрачно спросил старик. – Вряд ли найдется человек, способный читать старинные вещи, как ты!

Офелия не нашлась с ответом. То, что ее оторвут от родных, уже казалось трагедией. А расстаться с музеем и вовсе означало для нее потерять себя. Офелии было дано в жизни только одно – умение читать. Стоило лишиться ее этого дара, как от нее осталась бы только жалкая оболочка. Больше она ничего не умела: ни заниматься домашним хозяйством, ни вести светские разговоры.

- Ну, я не такая уж незаменимая, – пробормотала она, уткнувшись в шарф.

В подземелье старик сменил обычные перчатки на стерильные. Включив слабенькие электрические лампочки, он стал выдвигать ящики и перебирать архивные документы, сложенные по поколениям. В помещении было не больше десяти градусов, и при каждом выдохе из-под усов архивариуса выбивалось облачко пара.

- Ну, вот они, наши семейные архивы. Только не жди никаких чудес. Я знаю, что один или двое из наших предков побывали на Великом Полюсе, но это случилось в незапамятные времена...

Офелия вытерла капельку под носом. Невольно подумала о том, какая температура может быть в доме ее жениха. Неужели еще ниже, чем в этом архиве?..

- Я бы хотела увидеть наброски Аугустуса, – сказала она.

Аугустус, умерший задолго до рождения Офелии, был великим путешественником и легендой Семьи. В школах детям преподавали географию по его путевым зарисовкам. За свою жизнь он не написал ни одной строки, у него вообще было плоховато с грамотностью, но зато рисунки оказались кладезем информации.

Старик не отвечал, и Офелия подумала, что он ее не расслышал. Она оттянула от лица шарф и повторила громче:

- Я бы хотела увидеть наброски Аугустуса.

- Аугустуса? - пробормотал старик, не поднимая глаз. - Ничего интересного, ровно ничего! Так... всякая мазня...

Офелия недоуменно нахмурилась: ее крестный никогда еще не хулил свои драгоценные архивы.

- Интересно, - промолвила она, - неужели это до такой степени страшно?

Старик с тяжким вздохом оторвался от большого ящика, в котором что-то рассматривал. Лупа, зажата в глазнице, вдвое увеличивала его глаз.

- Секция номер четыре, слева от тебя, нижняя полка. Только, пожалуйста, не запачкай ничего, надень чистые перчатки.

Офелия прошла между рядами шкафов, опустилась на колени перед нужным ящиком. Здесь хранились оригиналы альбомов Аугустуса. Она нашла три альбома по ковчегу Аль-Андалузия, семь - по ковчегу Ситэ и около двадцати - по Серениссиме. Полюсу был посвящен всего один. Офелия осторожно перенесла альбом на пюпитр и начала бережно его перелистывать.

Белесые равнины, голые утесы, фьорды, скованные льдами, леса с богатырскими елями, дома, утонувшие в снегу... Да, суровые пейзажи, но не такие уж пугающие, какими Офелия их представляла. Природа Полюса была даже по-своему красива... И девушка стала гадать, где в этом белом царстве живет ее жених. На берегу вон той речки с каменистыми берегами? В рыбацком селении, затерянном в ночи? На равнине, среди тундры? До чего же пустынным, почти диким выглядел этот ковчег! И почему в таком случае ее суженый считается прекрасной партией?

Дальше Офелии попался совершенно непонятный рисунок: нечто вроде улья, парящего в небе. Наверно, фантазия художника...

Перевернув еще несколько страниц, она увидела сцену охоты. Мужчина стоял, гордо подбоченившись, на фоне какой-то груды мехов. Рукава его рубашки, засученные до локтей, обнажали сильные, мускулистые руки, сплошь покрытые татуировкой. У охотника были светлые волосы и жесткий взгляд.

Офелия не сразу поняла, что груды мехов за его спиной – шкура всего лишь одного зверя. Это был гигантский волк, величиной с медведя. Офелия перевернула страницу. На сей раз охотник стоял в группе людей. Они позировали перед нагромождением рогатых лосиных голов, и голова каждого лося была размером с человека. Все охотники походили друг на друга: безжалостный взгляд, светлые волосы, одинаковые татуировки до локтей. Никто из них не держал никакого оружия, как будто они убивали лосей голыми руками.

Перелистывая альбом, Офелия обнаруживала тех же охотников, красовавшихся перед другими поверженными животными – моржами, мамонтами, медведями. Все животные отличались невероятными размерами.

Девушка медленно закрыла альбом и положила его на место. Таких гигантских зверей она видела только на картинках в детских книжках... Маленький музей Офелии не подготовил ее к той жизни, о которой рассказывали наброски Аугустуса. Очки у девушки посинели – синий был цветом дурных предчувствий. Больше всего ее поразил взгляд охотников. Жестокий и вызывающий. Так смотрят глаза, привыкшие к виду крови. Офелия очень надеялась, что глаза ее жениха будут иными...

– Ну как? – спросил крестный, когда она подошла к нему.

– Теперь я лучше понимаю вашу неприязнь.

Старик снова начал перебирать документы.

– Сейчас найду тебе еще кое-что, – буркнул он. – Те наброски все-таки сделаны полтора века назад. И, кроме того, на них изображено далеко не всё!

Именно это и беспокоило Офелию: Аугустус чего-то не показал в своем альбоме. Однако она промолчала, вместо ответа пожав плечами. Кто угодно, кроме старого архивариуса, мог бы принять ее пассивность за бесхарактерность. Офелия казалась невозмутимой, и было почти невозможно угадать, что за

чувства бушуют в ее груди.

Рисунки Аугустуса напугали девушку. Офелия спрашивала себя: действительно ли за этим она пришла в архив?

Легкий сквозняк пробежал по ее лодыжкам, чуть приподняв подол платья. Холодный воздух шел из лестничного пролета, ведущего ниже, в еще более глубокое подземелье. Офелия бросила взгляд на цепь, преграждавшую проход. На цепи висела табличка:

Посетителям вход запрещен

Сквозняк по-прежнему гулял по архиву, и Офелия расценила его как приглашение. Второе подземелье явно требовало ее присутствия.

Она дернула за рукав крестного, сидевшего на скамеечке и поглощенного чтением документов.

– Вы разрешите мне спуститься?

– Вообще-то, как тебе известно, я не имею такого права, – пробурчал старик из-под усов. – Там личный архив Артемиды, туда допускаются только архивисты. Она доверяет нам, и мы не должны этим злоупотреблять.

– Не волнуйтесь, я ничего не собираюсь читать голыми руками, – пообещала Офелия, кивнув на свои перчатки. – И потом, я прошу у вас разрешения не как родственница, а как директор музея Примитивной истории.

– Ну да, ну да, знаю я эту песню! – вздохнул старик. – Что ж, я сам виноват, слишком много воли тебе давал.

Офелия сняла цепь и спустилась по лестнице, однако лампочки на ее пути не зажглись.

– Свет, пожалуйста! – попросила она, оказавшись в полной темноте.

Ей пришлось повторить это несколько раз. Здание Архивов явно осуждало столь невиданное нарушение правил. Наконец оно неохотно включило несколько слабо мигающих лампочек, дав понять Офелии, что этим и ограничится.

Сверху донесся голос крестного, гулким эхом заметавшийся от стены к стене:

– Ничего там не трогай, слышишь? Я ведь знаю, какая ты безрукая!

Офелия прошла по сводчатому залу, под аркой, на которой был выбит девиз архивистов: «Артемида, мы почтительные хранители твоей памяти!» Теперь перед ней тянулись бесчисленные ряды Реликвий.

Если в жизни Офелия, с ее непослушными волосами, неловкими движениями и робким поведением, временами напоминала неуклюжего подростка, прячущего взгляд за очками, то перед лицом Истории она совершенно преображалась. Все ее кузины обожали балы и прогулки у реки. Но для Офелии самым чарующим местом на свете был этот зал в подzemелье Архивов. Здесь, в стеклянных витринах, благоговейно хранилось общее наследие ее Семьи – документы самого первого поколения ковчега. Здесь можно было найти сведения обо всем, что произошло сразу после Раскола.

Раскол... Это стало ее профессиональным наваждением. Иногда ей снилось, что она бежит к линии горизонта, которая неуклонно отдалается. И вот так, ночь за ночью, она бежала все дальше, но мир по-прежнему оставался бесконечным, круглым и гладким, как яблоко. У себя в музее она собирала вещественные приметы прежнего мира: швейные машинки, двигатели внутреннего сгорания, метрономы... Офелия не испытывала ни малейшей симпатии к молодым людям, своим ровесникам, зато могла часами любоваться каким-нибудь древним барометром.

Она остановила взгляд на первом Реликварии, где под толстым стеклом покоился старинный пергамент. Это был основополагающий документ их ковчега, тот, что связывал Артемиду с ее потомством на Аниме. В соседнем Реликварии хранился первый вариант их законодательства. В нем уже были сформулированы юридические положения, предоставляющие Настоятельницам полную власть над всем сообществом. В третьем Реликварии находился кодекс,

содержащий основные обязательства Артемиды перед ее потомками: следить, чтобы все были сыты, имели крышу над головой, получали образование, честно соблюдали законы. Заключительная статья, написанная крупными буквами, гласила:

Артемиде не должна покидать ковчег и оставлять на произвол судьбы свою Семью.

Не сама ли Артемиде вписала сюда это обязательство, дабы на все грядущие века привязать себя к Аниме, к ее обитателям?!

Офелия переходила от витрины к витрине, чувствуя, как на нее нисходит великий покой. Будущее уже не так тревожило ее. Она забыла жестокие взгляды охотников, забыла свое принудительное обручение и предстоящий отъезд далеко, очень далеко от всего, что было ей дорого...

Чаще всего в Реликвариях хранились особо ценные рукописные документы, такие как карты нового мира или свидетельство о рождении первого ребенка Артемиды, старшего предка всех жителей Анимы. Но были здесь и вполне обычные атрибуты повседневной жизни: парикмахерские ножницы (ныне бесполезные), очки-«хамелеоны», сборник сказок, чьи страницы переворачивались сами собой. Все эти вещи относились к разным периодам, однако Артемиде пожелала, чтобы они стали символической частью ее коллекции. Но что именно они символизировали? Артемиде уже и не помнила этого.

Ноги сами вынесли Офелию к очередной витрине. Там, под стеклом, лежал полуистлевший список; чернила почти совсем выцвели от времени. В списке значились мужчины и женщины, выжившие при Расколе и примкнувшие к Духу Семьи, чтобы создать новое общество.

Бесстрастный перечень дат и имен... Но при виде его у Офелии дрогнуло сердце. Она поняла, какая сила привела ее сюда. Это было не просто желание ознакомиться с документами, это был возврат к истокам. Ее давние предки своими глазами видели гибель Вселенной. Но разве они покорно уступили смерти? Нет, они выстояли и создали для себя иную жизнь.

Офелия откинула волосы со лба. Ее очки, сохранявшие в последнее время унылый серый цвет, неожиданно посветлели. Сейчас девушка переживала свой личный Раскол. Ее все еще мучил страх, но теперь она знала, что ей следует делать. Она должна была принять вызов судьбы.

Шарф на ее плечах зашевелился.

- С добрым утром! - поддразнила его Офелия.

Шарф, медленно извиваясь, сполз по пальто хозяйки, затем вернулся на место, плотнее обвил ее шею и снова замер. Это был очень старый шарф, он почти все время спал.

- Пойдем-ка наверх, - сказала ему Офелия. - Я нашла то, что искала.

Уже собравшись уходить, она вдруг заметила еще один Реликварий, самый пыльный и самый таинственный из всего наследия Артемиды. Невозможно было уйти, не попрощавшись с ним. Офелия нажала на кнопку, и стеклянные половинки витрины разъехались в стороны. Она приложила руку в перчатке к обложке книги - нет, Книги! - и ощутила то же смятение, что овладело ею, когда она сделала это впервые. Но, как и тогда, ничего не смогла прочесть. И не только по вине перчаток, чья специальная ткань создавала непреступный барьер между чтницей и миром предметов. Просто Книга отказывалась открываться перед ней.

Офелия вынула ее из витрины, погладила обложку. Пролистала веером гибкие страницы, исписанные странными вычурными буквами давно забытого языка. Можно ли было назвать книгой то, что не обладало ни плотностью, ни мягкостью привычной бумаги?.. Страшно подумать, но больше всего это походило на человеческую кожу. Кожу, которой было бесчисленное количество лет.

Офелия вспомнила о священных вопросах, коими до нее задавались многие поколения архивистов и археологов. О какой истории повествовал этот загадочный документ? Почему Артемиды непременно пожелала включить его в свою личную коллекцию? И что означало послание, выгравированное на цоколе Реликвария: «Не пытайтесь ни под каким предлогом уничтожить Книгу»?

Теперь все эти вопросы Офелия увезет с собой на другой конец света, в другой мир, где не будет ни архивов, ни музеев, ни долга памяти. Словом, ничего из того, что было ей бесконечно дорого.

Из лестничного колодца донесся голос крестного, эхом разлетевшийся под низкими сводами подземелья:

– А ну, поднимайся скорей, я тут кое-что нашел для тебя!

Офелия в последний раз положила руку на Книгу. Закрыла витрину. Она попрощалась с прошлым так, как и было положено.

А теперь вперед, к будущему.

Дневник

«19 июня, суббота. Мы с Родольфом благополучно прибыли к месту назначения. Полюс оказалась совершенно не таким, как я себе представляла. Кажется, я никогда еще не испытывала настолько сильного потрясения. Госпожа посол весьма любезно приняла нас в своем имении, где царит вечная летняя ночь. Я просто ослеплена множеством чудес! Здешние жители очень вежливы и гостеприимны, а их свойства превосходят все ожидания...»

– Кузина, можно ненадолго отвлечь вас от работы?

Офелия вздрогнула, и ее очки тоже. Погрузившись в дневник прабабушки Аделаиды, она не заметила появления маленького человечка с оттопыренными ушами. Он широко улыбался, держа в руке шляпу-котелок. На вид посетителю было лет пятнадцать, не больше. Широким жестом он обвел стайку юных весельчаков, гоготающих в углу над старинной пишущей машинкой:

– Я и мои кузены просим вас прочитать несколько безделушек в вашем великолепном музее.

Офелия невольно нахмурилась. Она, конечно, не могла знать лично всех членов Семьи, которые проходили через турникет у входа в ее музей Примитивной истории, но с этими хамоватыми парнями точно никогда не встречалась. К какой же ветви на генеалогическом древе они принадлежат? Шляпники? Портные? Кондитеры? Кем бы они ни были, они явно настроились поглумиться над музеем.

– Я в вашем распоряжении, – ответила она, оставив чашку с кофе.

Ее подозрения укрепились, когда она подошла вплотную к этой компании. Слишком уж весело они скалились.

– Вот главный и уникальный экспонат музея! – проворковал предводитель, многозначительно оглядев Офелию.

Она нашла его иронию довольно бестактной, хотя и сама знала, что не очень-то привлекательна. Растрепанные темные волосы, падавшие на лицо, волочащийся по полу шарф, старомодное парчовое платье, стоптанные ботинки и скверная осанка – все это сразу бросалось в глаза. Вдобавок она уже неделю не мыла голову и надевала первые попавшиеся платья, не заботясь о том, как при этом выглядит.

Нынче вечером Офелии предстояло впервые встретиться с женихом. Он должен был прилететь на Аниму – представиться ее семье, провести здесь несколько недель, а потом забрать Офелию на Великий Полюс. Может, ей повезет и он найдет ее такой непривлекательной, что сразу откажется от женитьбы?

Офелия покосилась на парня с котелком. Он, похихикивая, щупал куртки своих товарищей. Значит, тоже умел читать, хотя, видимо, научился совсем недавно. И желал попользоваться этим для развлечения.

– Хотелось бы увидеть что-нибудь волнующее, – сказал Котелок. – У вас тут, случайно, нет оружия? Или вообще чего-то, что имеет отношение к войне?

Офелия достала из ящика нужный ключ. Войны былого мира неизменно возбуждали интерес современной молодежи, которая не знала ничего, кроме мелких семейных стычек. Очевидно, и эти молокососы желали развлечься. Офелия спокойно относилась к насмешкам над собой, но не терпела пренебрежительного отношения к своему музею. И все же твердо решила до

конца вести себя как настоящий профессионал.

– Прошу следовать за мной, – сказала она.

Вся компания поднялась наверх, на галерею. Там Офелия отперла одну из застекленных витрин и вынула крошечный свинцовый шарик, перед этим старательно обернув его платком.

– Вот прекрасный экспонат, который многое расскажет вам о былых войнах, – произнесла она нарочито бесстрастно.

Парень расхохотался, схватив шарик голой рукой.

– Что вы мне впариваете? Карамельку?

Но по мере того как через кончики пальцев до него доходило прошлое шарика, с его лица сползала улыбка. Он побледнел и замер, будто время застыло вокруг него. Сначала при виде такого испуга его приятели захихикали, подталкивая друг друга локтями, но потом встревожились.

– Что за гадость вы ему дали?! – крикнул в панике один из парней.

– Это пуля. Экспонат, высоко ценимый историками, – возразила Офелия сугубо профессиональным тоном.

Из бледного Котелок стал серым.

– Это... это не то... что я просил... – с трудом пробормотал он, выпуская пулю из рук.

Офелия поймала свинцовый шарик в платок и уложила обратно, на красную подушечку в стеклянной витрине.

– Вы хотели прочитать оружие, не так ли? Так вот, я дала вам пулю, которая в свое время разворотила грудь рядового солдата. Это и есть война, – заключила она, поправляя очки. – Люди, которые убивают, и люди, которых убивают.

Котелок держался за живот – похоже, его сильно тошнило, – и Офелия смягчилась. Она понимала, что дала парню слишком суровый урок. Он явился в музей с героическими представлениями о войне, но прочесть оружие было все равно что взглянуть в глаза собственной смерти.

– Это пройдет, – сказала она. – Советую вам выйти на свежий воздух.

Группа направилась к выходу, бросая на Офелию угрожающие взгляды. Один из парней назвал ее «оборванкой», другой – «очкастой кошелкой». Она очень надеялась, что и жених найдет ее именно такой.

– Ах, вот ты где, дорогуша! А я-то тебя ищу, ищу!

Офелия обернулась. К ней направлялась, подхватив юбки и зажав под мышкой зонтик, ослепительная молодая дама. Каблочки ее белых сапожек звонко цокали по плиточному полу. Это была старшая сестра Офелии, Агата. Рыжая, кокетливая и крайне энергичная, она была полной противоположностью темноволосой, замкнутой, неуклюжей Офелии. Две сестры, разные, как день и ночь.

– Ну, и чем ты тут занимаешься? – поинтересовалась Агата.

– Хочу тебе напомнить, что я работаю в своем музее до шести вечера.

Агата театральным жестом схватила сестру за руку.

– Уже не работаешь, глупенькая! – воскликнула она. – Мама велела тебе передать, что теперь ты должна думать только о приготовлениях к свадьбе. – И добавила, всхлипнув и крепко обняв Офелию: – Ох, сестричка моя дорогая! Представляю, как ты взволнована!

– Ну-у-у... – промямлила Офелия, и это было все, что ей удалось из себя выдать.

Агата тотчас выпустила ее из объятий и зорко осмотрела с головы до ног.

– Господи, когда ты последний раз смотрелась в зеркало? Нет, тебе ни в коем случае нельзя показываться жениху в таком виде. Иначе что он о нас подумает?!

– Вот это меня волнует меньше всего, – отрезала Офелия.

Агата уселась на ее стол и теперь болтала ногами в белых сапожках.

– А у меня есть для тебя новости, притом очень даже интересные! Твой загадочный суженый наконец-то обрел имя!

Офелия подняла на сестру глаза. До официального знакомства с женихом остается несколько часов – самое время узнать, как его зовут! Семья ее будущего мужа, видимо, приняла все меры к тому, чтобы бракосочетание прошло в условиях строжайшей секретности. Настоятельницы были немые как могила – за всю осень они ничего не сообщили о женихе. Мать Офелии, которую тоже не посвятили в тайну, все эти месяцы буквально кипела от возмущения.

– Ну, так как же его зовут? – спросила Офелия, поскольку Агата сделала эффектную паузу.

– Господин Торн!

Офелия вздрогнула под обвивавшим ее шарфом. Торн? Само звучание этого имени уже было неприятно. Оно с трудом сходило с языка – жесткое, отрывистое, почти враждебное. Имя охотника.

– А еще мне известно, дорогая сестричка, что твой будущий супруг ненамного старше тебя. То есть отнюдь не дряхлый старик, неспособный оценить свою молодую жену! Но самое интересное я оставила на закуску! – продолжала Агата, не переводя дух. – Тебе предстоит жить не в какой-нибудь жалкой дыре. Можешь мне поверить, Настоятельницы позаботились о тебе. У господина Торна есть тетушка, сколь красивая, столь же и влиятельная, и она обеспечивает ему высокое положение при дворе Полюса. Ты будешь жить как принцесса!

У Агаты восторженно блестели глаза, а Офелия пришла в ужас. Торн – придворный?! Уж лучше бы он был простым охотником. Чем больше она узнавала о своем будущем супруге, тем сильнее ей хотелось удрать подальше.

– А... откуда все эти сведения?

Агата поправила шляпку, из-под которой выбивались задорные рыжие кудряшки. Ее вишневый ротик растянулся в улыбке.

– Источник самый что ни на есть надежный! Мой деверь Жерар узнал все это от своей прабабки, а та – от своей кузины, сестры-двойняшки одной из Настоятельницац!

И Агата, лихо прищелкнув пальцами, соскочила со стола.

– Считаю, что ты выиграла главный приз в брачной лотерее, дорогуша! Подумать только: человек такого круга просит твоей руки! Поедем скорее, нужно придать тебе товарный вид!

– Иди вперед, – прошептала Офелия. – Мне нужно выполнить одну формальность. Последнюю...

Ее сестра в несколько грациозных шажков оказалась у двери.

– Пойду вызову нам фиакр!

Офелия долго стояла у своего стола. Мертвая тишина, воцарившаяся в музее после ухода Агаты, прямо-таки физически давила на уши. Офелия наугад открыла дневник прабабушки Аделаиды. Пробежала глазами строки, написанные изящным, нервным почерком почти век тому назад. Впрочем, она и так знала их почти наизусть:

«6 июля, вторник. Вынуждена признать, что у меня поубавилось восторга. Госпожа посол отбыла в путешествие, оставив меня и брата на своих бесчисленных гостей. Мне кажется, что о нас попросту забыли. Мы проводим дни за карточными играми и прогулками в парках. Брат приспособился к этой праздной жизни лучше моего и даже увлекся какой-то герцогиней. Необходимо призвать его к порядку, ведь мы прибыли сюда с сугубо деловой миссией...»

Офелия была сбита с толку. Дневник Аделаиды и сплетни Агаты не имели ничего общего с рисунками Аугустуса. Теперь Полус представлялся девушке в высшей

степени изысканным местом. Интересно, играет ли Торн в карты? Если он придворный, то просто обязан играть. Может, он посвящает свои дни только этому развлечению?

Офелия уложила дневник в фетровый чехольчик и спрятала к себе в сумку. Затем отперла секретер, стоявший позади ее рабочего стола, и вынула инвентарный журнал.

Девушке часто случалось забывать ключи от музея прямо в двери, терять важные документы и даже ломать уникальные артефакты. Но инвентарный журнал она вела регулярно и аккуратно.

Офелия была превосходной чтицей, одной из лучших в своем поколении. Она могла прочесть историю любого предмета, поэтапно, век за веком: какие руки к нему прикасались, кто им пользовался, кто его любил, кто ломал, а кто чинил. Этот дар позволял ей описывать предмет с невиданной точностью. Там, где ее предшественники мучились, раскапывая подробности биографии хозяев, Офелия безошибочно выявляла всех владельцев вещи, включая создателя.

Инвентарный журнал был для девушки все равно что личный дневник. По обычаю ей следовало бы передать его из рук в руки своему преемнику – новому директору музея. Увы, пока еще на эту должность никто не польстился. Поэтому Офелия вложила в журнал записку для того или той, кто в будущем заменит ее, убрала инвентарную опись в секретер и заперла его на ключ. Потом медленно вернулась к столу, оперлась на него обеими руками и постояла так несколько минут, заставляя себя глубоко дышать и привыкать к мысли о неизбежном. Теперь все кончено. Завтра она уже не откроет свой музей, как делала каждое утро. Завтра ее свяжут с человеком, чье имя она будет носить отныне и до смерти.

Госпожа Торн... Лучше уж сразу смириться с этим.

Офелия в последний раз оглядела музей. Через стеклянный купол лился в зал поток света, украшая золотым ореолом экспонаты, которые отбрасывали на пол причудливые тени. Никогда еще музей не казался Офелии таким прекрасным!

Девушка оставила ключи в каморке привратника и направилась к выходу из музея. Едва она вышла из двери под стеклянный козырек, усыпанный листвой,

как сестра уже окликнула ее из дверцы экипажа.

– Влезай скорей! Мы едем на улицу Орфевр!

Кучер картинно щелкнул кнутом, хотя в экипаж не была впряжена ни одна лошадь. Скрипнули колеса, и фиакр двинулся вдоль реки, ведомый лишь силой внушения своего хозяина.

По дороге Офелия смотрела в окошко. Фахверковые дома[4 - Фахверк – тип старинной строительной конструкции, при которой темные скрещенные балки, выполняющие несущую роль, видны на светлом оштукатуренном фасаде дома.], рыночные площади, нарядные здания мануфактур выглядели отчужденно. Весь город словно говорил ей: ты уже нездешняя! Между тем люди жили обычной жизнью в золотистом сиянии поздней осени. Молоденькая няня везла коляску с младенцем, краснея от восхищенного свиста маляров, работавших на строительных лесах. Школьники возвращались домой, жуя на ходу теплые жареные каштаны. Рассыльный бежал по тротуару с пакетом под мышкой. И все они были родственниками Офелии, хотя она не знала и половины этих мужчин и женщин.

Офелия взглянула на гору, высившуюся над их Долиной и сплошь исчерченную серпантинном тропы. Ближе к вершине виднелся первый снег. Сама же вершина тонула в сером туманном мареве, мешавшем разглядеть обсерваторию Артемиды. Подавленная видом этой холодной скалистой громады, Офелия ощутила себя совсем беззащитной.

Агата щелкнула пальцами перед ее лицом:

– Давай-ка быстренько обсудим план действий! Тебе нужны новые платья, туфли, шляпы, белье, много постельного белья...

– Мне нравятся мои старые платья, – отрезала Офелия.

– Молчи лучше! Ты одеваешься как наша бабушка! – воскликнула Агата и тут же схватилась за перчатки сестры. – Господи боже мой, ну зачем ты таскаешь это старье? Мама же заказала для тебя целую коробку новых у Жюльена!

- На Полюсе не делают перчаток для чтецов, я должна их экономить.

Но Агата осталась глухой к этим доводам. Кокетство и элегантность оправдывали в ее глазах любую расточительность.

- Да встряхнись же ты, наконец! Ну-ка, выпрями спину, втяни живот, выпяти грудь! И, ради бога, смени цвет очков, твой серый просто ужасен! А что касается вот этого, - продолжала Агата, брезгливо приподняв кончиками пальцев темную косу Офелии, - на твоём месте я давно бы отрезала всё под корень! Надо радикально сменить имидж! Жаль, сейчас у нас нет на это времени... Ну давай, выходи скорей, приехали!

Офелия неохотно потащилась за сестрой. При виде каждой новой юбки, каждого корсета, каждого ожерелья она отрицательно мотала головой. После двух скандалов и десятка бутиков девушка дала себя уговорить лишь на покупку новых ботинок вместо стоптанных старых.

В парикмахерском салоне Офелия проявила так же мало энтузиазма. Она и слышать не хотела о щипцах для завивки и бантиках по последней моде.

- С тобой надо железные нервы иметь! - бушевала Агата. - Мне было семнадцать лет, когда меня выдали за Шарля! А маме - на два года меньше, когда она вышла за папу! И вот посмотри, какими мы стали: примерными женами, счастливыми матерями, эффектными женщинами! А тебя просто избаловал наш двоюродный дед. И оказал тебе этим медвежью услугу!

Офелия вдруг увидела в зеркале рыжую головку Агаты, которая прижалась подбородком к ее макушке.

- Офелия, если бы ты захотела, ты могла бы нравиться, - прошептала сестра.

- Нравиться... зачем? И кому?

- Да господину Торну, дурочка! - раздраженно бросила Агата, шлепнув ее по затылку. - Очарование - лучшее оружие женщины, и нужно им пользоваться без зазрения совести. Чтобы покорить мужчину, достаточно пустяка - взгляда, улыбки. Взять хотя бы моего Шарля - я из него веревки вью!

Офелия всмотрелась в свое отражение. Без очков она видела плохо, но все же смогла разглядеть хрупкую белую шею, бледные щеки, невыразительный нос и слишком тонкие губы, не любившие лишних слов. Она попробовала робко улыбнуться, но улыбка выглядела фальшиво. Есть ли у нее очарование? И как его распознать? По мужскому взгляду? Каким же взглядом посмотрит на нее Торн сегодня вечером?

Эта мысль показалась ей такой дикой, что она рассмеялась бы от всего сердца, не будь ее положение столь плачевным.

- Ну, пойдем уже? Кончились мои муки? - спросила она у сестры.

- Почти.

И Агата отвернулась, чтобы попросить у мастерицы шпильки. Офелия только этого и ждала. Она торопливо надела очки, схватила сумку и нырнула головой вперед в зеркало парикмахерской, едва втиснувшись в его узкую раму. Верхняя половина тела уже выбиралась из зеркала в комнате Офелии, в нескольких кварталах отсюда, но Агата успела схватить сестру за лодыжки. Офелия отбросила сумку, уперлась в оклеенную цветастыми обоями стену и напрягла все силы, чтобы вырваться из цепких сестринских рук.

Ей все-таки удалось вывалиться из зеркала в свою комнату, опрокинув попутно табурет и стоявший на нем цветочный горшок. Она растерянно посмотрела на собственную необутую ногу: один новый ботинок остался в руках Агаты. Сестра не умела летать сквозь зеркала, так что короткая передышка Офелии была обеспечена.

Девушка доковыляла до массивного деревянного сундука, стоявшего рядом с двухэтажной кроватью, села на него и огляделась по сторонам. Всюду валялись чемоданы, шляпные картонки... В комнате, где она выросла, всё говорило сейчас о скором отъезде.

Офелия бережно вынула из сумки дневник Аделаиды и задумчиво просмотрела еще несколько страниц.

«18 июля, воскресенье. От госпожи посла все еще никаких известий. Здешние дамы очаровательны: мне кажется, ни одна из моих кузин на Аниме не может

сравниться с ними в грации и красоте. Но иногда в их обществе мне как-то не по себе. По-моему, они непрестанно злословят, осуждая мои туалеты, мои манеры и мой способ выражать свои мысли. А может, это мне просто чудится?..»

- Ты почему явилась так рано?

Офелия вздрогнула и взглянула на верхнюю кровать. Ворвавшись в комнату, она и не заметила, что из-под одеяла торчат худенькие ноги в лакированных туфлях! Ноги принадлежали ее младшему брату Гектору, с которым она делила комнату.

Девушка закрыла дневник.

- Я сбежала от Агаты.

- Почему?

- Из-за наших мелких женских проблем. Господин Почемучка желает узнать подробности?

- Еще чего!

Офелия чуть заметно усмехнулась – она с нежностью относилась к брату. Лакированные туфли исчезли, вместо них появились губы, перепачканные чем-то оранжевым, вздернутый нос и пара безмятежных глаз. У Гектора был точно такой же взгляд, как у Офелии без очков, – невозмутимый в любых обстоятельствах. В руке он держал тартинку с абрикосовым джемом.

- Тебе, кажется, запретили полдничать в спальне, – напомнила Офелия.

Гектор пожал плечами и ткнул рукой с тартинкой в дневник, который держала сестра.

- А почему ты перечитываешь эту тетрадку? Ты же ее наизусть знаешь!

- Наверно, чтобы чувствовать себя уверенней, – прошептала Офелия.

Чем чаще она заглядывала в этот дневник, тем ближе ей становилась Аделаида. И все-таки каждый раз, дойдя до последней страницы, Офелия ощущала разочарование:

«2 августа, понедельник. Ну наконец-то я успокоилась! Госпожа посол вернулась из поездки. И Родольф подписал у нотариуса договор с монсеньором Фаруком. Я не имею права распространяться о подробностях, но завтра нам предстоит встреча с Духом Семьи. И, если мой брат представит убедительные доводы, мы станем богачами».

Дневник кончался на этой записи. Аделаида сочла излишним описывать последующие события. Так какой же договор она и ее брат подписали с Фаруком, Духом Семьи Полюса? И действительно ли они разбогатели? По всей видимости, нет – иначе это было бы известно...

– А почему ты его не читаешь руками? – спросил Гектор, флегматично жуя тартинку. – Я бы на твоём месте так и сделал.

– Ты отлично знаешь, что у меня нет такого права.

На самом деле Офелии ужасно хотелось снять перчатки и проникнуть в тайны прабабушки. Но она была слишком честным профессионалом, чтобы заразить этот документ собственными страхами. Крестный был бы очень разочарован, если бы она поддалась соблазну.

С нижнего этажа до них донесся пронзительный женский голос:

– Эта гостевая комната – просто кошмар! Она должна быть достойна придворного, тут нужна роскошь! Что о нас подумает господин Торн?! Ладно, мы постараемся реабилитировать себя вечерним приемом. Розелина, сбегай в ресторан, проверь, как там мои пулярки![5 - Пулярка – жирная откормленная курица, считающаяся изысканным блюдом.] Поручаю тебе организацию ужина!

– Мама, – невозмутимо промолвил Гектор.

– Мама, – так же невозмутимо подтвердила Офелия.

Голос матери не вызывал у нее никакого желания спуститься вниз. Она подошла к окну, чтобы задернуть цветастую штору, и заходящее солнце позолотило ее щеки, нос и очки. На темнеющем небосклоне уже проглядывала луна, похожая на фарфоровую тарелку.

Офелия долго смотрела на склон горы в рыжем осеннем уборе, на фиакры, снующие по улицам вдалеке, на двух своих младших сестер, которые играли в серсо внизу, во дворе, среди палой листвы...

И вдруг девушку захлестнула острая тоска по прошлому. Глаза ее расширились, губы плотно сжались, всегда невозмутимое лицо исказилось. Как ей хотелось побегать вместе с сестрами, беззаботно задирая юбки и швыряя камешки в сад тетушки Розелины! Увы, это время кануло в прошлое, а сегодня вечером...

- Почему ты должна уезжать? Я же тут с тоски помру с нашими занудами!

Офелия обернулась к Гектору. Он так и не слез с верхней кровати – сидел там, облизывая липкие пальцы, и следил за сестрой, глядевшей в окно. В его спокойном тоне проскальзывали укоризненные нотки.

- Ты же знаешь, я тут ни при чем.

- А тогда почему ты не вышла за какого-нибудь кузена?

Этот вопрос обжег Офелию, как пощечина. Гектор был прав: выйди она здесь за первого встречного, ей не пришлось бы оказаться в таком положении.

- Теперь уже поздно жалеть, – прошептала она.

- Берегись! – вдруг шепнул Гектор.

Он торопливо вытер губы рукавом и распластался на кровати. Сильный сквозняк взметнул юбку Офелии. В комнату вихрем ворвалась ее мать с растрепавшейся прической и вспотевшим лицом. За ней следовал кузен Бертран.

- Я переведу сюда девочек, поскольку в их спальне разместится жених. О господи, эти чемоданы загромоздили всю комнату, ну куда мне их девать?!

Отнеси вон тот в кладовую, только аккуратно, там хрупкие...

Внезапно мать поперхнулась и замолчала, увидев Офелию в оконном проеме, в лучах заходящего солнца.

- Как... А я думала, ты с Агатой!

И она возмущенно поджала губы, испепеляя взглядом старомодное платье дочери и ее шарф-пылесборник. Значит, Офелия так и не сменила наряд, возделенной метаморфозы не произошло!

Мать патетическим жестом прижала руку к пышной груди:

- Ты меня убить хочешь?! И это после всех неприятностей, которые ты мне доставила! За что мне такое испытание, дочь моя?!

Офелия только смущенно моргнула за своими очками. Она всегда отличалась дурным вкусом в одежде, с какой же стати ей сейчас отказываться от старых привычек?

- Да ты хоть знаешь, сколько времени?! - возопила мать. - Меньше чем через час мы должны быть в аэропорту! И куда подевалась твоя сестра? А я-то еще не прибрана... Нет, мы точно не успеем!

Она выхватила из корсажа пудреницу, покрыла потный нос облаком розовой пудры, умелой рукой привела в порядок сбившийся рыжеватый шиньон и ткнула наманикюренным пальцем в Офелию:

- Я требую, чтобы ты пристойно оделась! Это относится и к тебе, неряха! - добавила она, обращаясь к верхней кровати. - Ты думаешь, Гектор, я не учуяла запах абрикосового джема?

И, обернувшись, столкнулась нос к носу с кузеном Бертраном, который замер, беспомощно опустив руки.

- Ты до завтрашнего утра будешь так стоять?! Займись чемоданом!

И, взмахнув подолом, вихрь по имени мама умчался из комнаты так же внезапно, как появился.

Медведь

Вечер принес с собой сильный дождь. Капли барабанили по металлической крыше ангара, служившего стоянкой для прибывающих дирижаблей. Этот ангар пятидесятиметровой высоты был самым современным строением в Долине. Он предназначался для приема летательных аппаратов дальнего следования.

Редкие фонари источали слабый свет, еще более тусклый из-за дождя. Насквозь промокший сторож проверял, надежно ли укрыты брезентом ящики с почтой для отправки на другие ковчеги. Наткнувшись на целый лес зонтов, он остановился и изумленно замигал. Под зонтами стояли мужчины в парадных сюртуках, принаряженные дамы и дети с тщательно прилизанными волосами. Все они молча и невозмутимо смотрели в облака.

– Прошу прощения, уважаемые кузены, я могу чем-то помочь? – спросил сторож.

Мать Офелии, чей красный зонт выделялся среди прочих, ткнула пальцем в часы на ближайшем столбе:

– Скажите, любезный, они спешат? Мы уже сорок минут дожидаемся прибытия дирижабля с Полюса!

– Спешат, как всегда, – заверил ее сторож с широкой улыбкой. – Вы ждете грузовой дирижабль с мехами?

– Нет, мой милый, мы ждем гостя, – ответила другая дама из толпы встречающих.

Сторож покосился на нее. У дамы был внушительный нос, похожий на вороний клюв. Одета она была во все черное, от мантильи, прикрывавшей ее седые волосы, до платья из дорогой тафты. Элегантные серебряные галуны на лифе указывали на ее статус Настоятельницы, Первой среди Матерей.

Сторож почтительно снял фуражку.

– Уважаемая госпожа, вы уверены, что не ошиблись? Я работаю здесь с самого детства и никогда не видел, чтобы кто-нибудь с Полюса прилетал к нам в гости! Эти люди не путешествуют просто так – только по делу...

Он взмахнул фуражкой на прощание и побрел дальше, к своим ящикам.

– Скатертью дорога! – прошипела Агата и тут же начала шпынять Офелию, с которой стояла под одним лимонно-желтым зонтом: – Не сутулься и не вылезай под дождь! И улыбнись наконец! Думаешь, господин Торн зарыдает от счастья, когда увидит твою унылую физиономию?

По раздраженному голосу Агаты было понятно, что она так и не простила сестре бегства сквозь зеркало. Однако Офелия ее почти не слушала. Гораздо громче этих слов звучали для нее шелест дождя и стук собственного испуганного сердца...

– Отстань ты от нее! – сердито крикнул Агате Гектор.

Офелия благодарно взглянула на брата, но тот уже снова прыгал по лужам вместе с кузинами и кузенами. Малышей не волновали никакие заботы: они пришли сюда, чтобы посмотреть не на жениха, а на дирижабль. Это редкостное зрелище было для них настоящим праздником.

– Агата права! – объявила мать из-под своего красного зонта. – Моя дочь будет улыбаться, когда прикажут. Не правда ли, мой друг?

Последнее было обращено к отцу Офелии, который пробормотал в ответ нечто утвердительное. Лысоватый, седеющий, преждевременно постаревший, этот бедняга жил под каблуком у своей женушки.

Офелия поискала глазами старика-крестного. Он стоял с мрачным видом, в стороне от сборища зонтиков, чуть ли не до усов подняв воротник темно-синего плаща. Офелия не ждала от него никакого чуда, но его ободряющий кивок хоть немного утешил ее.

Громкие возгласы, раздавшиеся вокруг, поразили ее как удар грома.

– Смотрите!

– Вот он!

– Ну наконец-то!

Офелия, сжавшись от страха, подняла глаза и взглянула в небо. Из облаков с угрожающим рокотом выплывала темная масса, похожая на гигантского кита. Дирижабль снижался. Гул моторов стал невыносимо громким, пропеллеры подняли ветер. Дети восторженно завопили. Дамы подхватили кружевные юбки. Лимонно-желтый зонт Агаты улетел в небо. Зависнув над посадочной площадкой, дирижабль выпустил причальные канаты.

В тот же миг откуда-то из темноты и дождя вынырнули десятки рабочих. Они вцепились в эти веревки и, напрягая все силы, потянули аэростат вниз, чтобы помочь ему приземлиться. Затем они установили его на рельсы, завели внутрь ангара, зафиксировали канаты и приставили к люку металлический трап. Из дирижабля стали выходить члены экипажа, несущие тюки с почтой.

Кузены и кузины, как мухи, облепили вход в ангар. И только Офелия осталась на прежнем месте, поодаль, не обращая внимания на холодный дождь и прилипшие к лицу мокрые волосы. Очки у нее сплошь покрылись дождевыми каплями, и она ничего не видела, кроме неясного скопления платьев, жакетов и зонтов.

Трубный голос ее матери перекрыл общий гомон:

– Ну дайте же ему выйти, пропустите его! Мой дорогой, дорогой господин Торн, добро пожаловать на Аниму! Ах, неужели вы один, без эскорта? О, Великие Предки! Офелия! Ну куда она подевалась, эта растяпа? Агата, сейчас же найди сестру! Бедный мой друг, какая ужасная погода! Прилети вы на час раньше, мы встретили бы вас без этого потопы... Дайте же ему кто-нибудь зонтик!

Офелия оцепенела, не в силах сделать ни шагу. Вот он, ее жених. Человек, разрушивший ее жизнь. Она не хотела ни видеть его, ни говорить с ним.

Но Агата схватила сестру за руку и потащила за собой, расталкивая родственников. Оглушенная гомоном и ливнем, Офелия почти уткнулась в грудь полярного медведя и от растерянности даже не отреагировала на его холодное «здравствуйте», прозвучавшее где-то высоко над ее головой.

– Итак, знакомство состоялось! – объявила мать под шелест вежливых аплодисментов. – А теперь быстро по фиакрам! Не хватает еще подцепить простуду.

Офелию впахнули в один из экипажей. Сухо щелкнул кнут, фиакр содрогнулся и покатил в город. Кучер зажег лампочку, озарившую желтоватым светом лица пассажиров. Дождь по-прежнему звонко барабанил по стеклам. Притиснутая к дверце, Офелия сосредоточилась на этой водяной дробе. Она никак не могла выйти из оцепенения, и лишь через несколько минут до нее дошло, что рядом кто-то оживленно разглагольствует. Это была ее мать, говорившая за десятерых. А где же медведь... он тоже тут?

Офелия приподняла на лоб очки, забрызганные дождем. Первое, что она увидела, был высокий, чуть ли не до крыши фиакра, шиньон ее матери, второе – вороний нос Настоятельница, сидевшей напротив. И наконец, сбоку от Офелии... Медведь! Он упрямо смотрел в окошко фиакра, время от времени коротко кивая в ответ на болтовню матери и не достаивая взглядом ни одну из пассажиров.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Анима (лат. anima) – душа. – Здесь и далее примеч. переводчика.

2

Здесь и далее слово «кузены» означает близкое или дальнее родство всех жителей Анимы и других ковчегов.

3

«Хабанера» – ария из оперы Ж. Бизе «Кармен».

4

Фахверк – тип старинной строительной конструкции, при которой темные скрещенные балки, выполняющие несущую роль, видны на светлом оштукатуренном фасаде дома.

5

Пулярка – жирная откормленная курица, считающаяся изысканным блюдом.

Купить: https://tellnovel.com/dabo_kristel/obruchennye-holodom

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)